

дах святых отцов, что позволяет говорить о необходимости и пользе такого направления деятельности. Так, например, протоиерей Александр Мень говорил: «Абсолют юмора — это Бог. В божественном юморе, в отличие от человеческого, отсутствует пошлость». [4]

В постоянно обновляющейся новостной ленте публичной страницы АПС часто появляются сообщения, вызывающие оживленные дискуссии среди подписчиков. К сожалению, иногда появляются в сообществе и провокационные материалы, что, возможно, говорит о том, что создатели, во многом, ориентированы на привлечение большего числа подписчиков.

Таким образом, мы видим, что клирики Церкви и просто православные люди также активно присутствуют в Интернет-пространстве. Существующие православные проекты вполне способны отвлечь часть юного поколения от просмотра опасного контента и девятых действий с ним связанных. Подростки оказываются включенными в нравственные смыслы Православия, причем данный процесс осуществляется нетривиально, креативно, что не вызывает его отторжения из-за «банальности» содержания.

При этом существует и ряд проблем, которые требуют дополнительного обсуждения и решения. Во-первых, многие из сетевых проектов Русской Православной Церкви пока не имеют значительного количества пользователей.

Во-вторых, можно предположить, что определенная часть пользователей зарегистрирована сразу на нескольких православных ресурсах, что также снижает реальное количество участников проектов и делает их «точечными».

И, тем не менее, уже имеющийся опыт сетевого присутствия должен не просто транслироваться, но и тиражироваться, способствуя тем самым появлению новых православных start-up'ов, которые будут помогать молодежи в Сети. Безусловно, максимальная эффективность возможна лишь в условиях самого широкого социального партнерства Церкви, государства и общества.

Литература

1. Групп смерти не существует [электронный ресурс] // Информационное агентство «Росбалт»: [сайт]. URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2017/04/01/1603411.html> (дата обращения: 03.04.2017)
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в рамках XIII Всемирного русского народного собора [электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: [официальный сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html> (дата обращения: 03.04.2017).
3. МБД: Около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти» [электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html> (дата обращения: 30.03.2017).
4. Мельникова Ирина. Ирония и юмор в Четвероевангелии [электронный ресурс] // Богослов.RU [сайт]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4897623.html> (дата обращения: 30.03.2016)
5. 7 проблем современного подростка - беседа с психологом [электронный ресурс] // Православие и мир: [сайт]. URL: <http://www.pravmir.ru/kak-ponyat-podrostka/> (дата обращения: 04.04.2017)
6. Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла после великого повечерия во вторник первой седмицы Великого поста в Богоявленском соборе г. Москвы [электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: [официальный сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4820134.html> (дата обращения: 02.04.2017)

ИДЕОЛОГЕМЫ И КОНЦЕПТЫ НАСИЛИЯ И НЕНАСИЛИЯ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Сергей Васильевич Резник,
кандидат философских наук, доцент СТФ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

В каждой религиозной традиции существует запрет на убийство: ветхозаветная заповедь «Не убий» (Исх. 20:13), являющаяся непреложной в иудаизме и христианстве, имеет отражение в Евангелии от Матфея (Мф. 5:21) и в Коране: «не убивайте душу, которую запретил Аллах, иначе как по праву» (6: 152 (151)). В различных направлениях буддийской

традиции первое из Пяти правил обучения, являющихся частью Благородного Восьмеричного Пути, касается запрета убийство. В текстах джайнизма утверждается, что «если кто-либо отнимает жизнь ... его грех увеличивается» (Сутра-кританга 1.1). Подобное суждение наличествует и в индуистской литературе: «...убиение живых существ несовместимо с пребыванием на небесах» (Законы Ману 5.48). Однако, несмотря на согласие религиозных традиций, относительно аморальности убийства, существует ряд значительных, как внутренних, так и внешних, разногласий по поводу нескольких ключевых моментов. Во-первых, как именно оправдывается запрет на убийство. Во-вторых, при каких обстоятельствах данный запрет может быть отменен. В-третьих, должен ли применяться данный запрет в отношении любого живого существа. И наконец, в-четвертых, насколько существенным и важным этот запрет считается в каждой конкретной традиции.

Сравнительное исследование представлений о насилии и ненасилии в мировых религиях затрудняется тем обстоятельством, что в каждой культуре и в каждой исторической эпохе используются разные понятия для обозначения насилия и ненасильственных поступков и установок. Следует отметить, что термины «*пацифизм*» (pacifism) и «*ненасилие*» (nonviolence) - неологизмы в английском языке. Термин «*ненасилие*», являющийся переводом санскритского «*ахимса*» (букв. «непричинение вреда»), прочно вошел в разговорный английский только в XX столетии в связи с популярностью идей М. Ганди. Данная концепция имеет соответствия в религиозных традициях всего мира.

Понятие «ненасилие» в концепциях религий мира можно рассматривать в трех основных смыслах. Во-первых, ненасилие как установка на мирное поведение и почитание жизни. Данный смысл непосредственно реализуется в джайнизме, буддизме и индуизме в понятии ахимсы. Схожие установки можно обнаружить в некоторых христианских общинах (например, у квакеров). Во-вторых, ненасилие как идеал социальной гармонии и мирного существования. В данном смысле принцип ненасилия реализуется в древнееврейском термине «*шалом*» и исламском «*салам*». Тот же смысл заложен в образах прекрасного будущего в христианской традиции. В-третьих, ненасилие как способ реакции на конфликтную ситуацию, т.е. ненасильственное отношение к своим противникам, даже если они находятся в положении угнетателей. Этот смысл подразумевался в христианской концепции жертвенной любви, примерах мученичества в иудаизме и методе ненасильственного сопротивления М. Ганди.

Культура Древней Индии Ведического периода основывалась на ценностях общества воинов (кшатриев), поэтому представления о ненасилии не существовало. Ведические повествования о богах и великие эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» изобилуют описаниями сцен насилия и битв. Первое упоминание о ненасилии как моральной добродетели содержится в «Чхандогья-упанишаде» (3.17.4). Слово «*ахимса*» используется здесь в значении самопожертвования и самоограничения. В другом, более позднем тексте, «Йога-сутре» соблюдение принципа «ахимса» является обязательным требованием к каждому, желающему быть допущенным к практике йоги. В дальнейшем представление о ненасилии связывается с концепцией *кармы*, предполагающей, что совершенные человеком действия и установки, направленные на уничтожение чужой жизни оказывают особенно отрицательное влияние на статус и форму его следующего рождения. В VI в. до н.э. концепция ахимсы становится важной составной частью учений оппозиционных официальному брахманизму.

Значение, которое джайны придают ненасилию, объясняется особым отношением к закону кармы: любое убийство (даже случайное) становится серьезным препятствием на пути к достижению кармической чистоты. Джайнские монахи, соблюдающие большее количество запретов, нежели миряне, доводят идеал ахимсы до логического конца: они завершают свою жизнь, отказываясь от любой пищи. Буддийский идеал ахимсы не столь суров, как джайнский. В буддизме намерение важно в той же степени, что и дея-

ние. Поэтому традиционные буддийские учения говорят о пяти необходимых условиях, каждое из которых должно наличествовать, чтобы человек был признан виновным в отнятии чужой жизни: 1) объект деяния непременно должен быть живым; 2) убийца должен знать, что объект действительно является таковым; 3) убийца должен иметь намерение убить; 4) должен произойти сам факт убийства; 5) объект деяния обязательно должен умереть.

В буддизме запрет на убийство может быть смягчен, если совершенное действие можно охарактеризовать в соответствии со всеми условиями, кроме третьего. Например, использование оружия для защиты (даже на войне) оправдывается на том основании, что данный вид насилия считается реакцией на чужое деяние, а не происходит из личного намерения. Буддизм запрещает насильственные действия в целях военно-политической экспансии. Величайший правитель древности, принявший буддизм Ашока, после завершения серии кровопролитных войн и расширения границ своего царства (территория современного штата Бихар) за счет завоевания большей части полуострова Индостан, превращает принцип ненасилия в одну из основ своего правления.

И в современных «буддийских» странах, как например, в Таиланде, где монархия является одновременно религиозным и политическим институтом, существуют определенные расхождения между необходимостью подчиняться требованиям политической власти и следованием принципу ненасилия. В Китае и Японии, где буддизм входил в тесное соприкосновение с местными религиозными традициями, самые строгие предписания соблюдаются только монахами, в политической же практике для оправдания насильственных методов можно прибегнуть к другим учениям (конфуцианству или синтоизму). Тот факт, что китайская культура оказалась восприимчивой к буддийскому идеалу ненасилия во многом объясняется тем, что местные философские традиции разрабатывали схожие идеи. Даосская концепция «у-вэй» (букв. «недеяние») созвучна идеалу «ахимса».

В исламе концепция ненасилия не разрабатывалась так же тщательно, как в джайнизме и буддизме, однако и здесь можно провести определенные параллели. В определенных обстоятельствах ислам допускает использование насилия: внутри общины это применение суровых наказаний (вплоть до смертной казни), за ее пределами – борьба с врагами веры. Здесь мы подходим к одной из самых сложных проблем – концепции джихада. Сложность заключается в том, что понятие джихада находится в зависимости от субъективного восприятия отдельного человека, лидера. В религиозном контексте оно означает усилие верующего на пути к Богу, «великую войну», которую каждый верующий мусульманин должен вести внутри самого себя против своих пороков, невежества и зла. «Малый джихад» ведется против врагов веры и истины, против зла, насилия. Насилие в исламе позволено применять только в крайнем случае и только против тех, кто наглядно доказал свои злые намерения, кто является агрессором, убийцей. Во всех остальных случаях, шариат призывает к терпимости и увещанию.

С точки зрения мусульманского права, *джихад* не предполагает и не оправдывает насильственного обращения в ислам. Правомерными признаются только те случаи принятия ислама, которые произошли ненасильственно, т.е. вследствие разумного убеждения или «перемены сердца». По этой причине к немусульманскому населению в исламских странах всегда относились терпимо. Коран ограничивает насилие, не столько предписывая возмездие за убийство, сколько принимая его как правовую реальность. Он признает справедливость равного воздаяния, поскольку он осуждает насилие, вводит его в контролируемые рамки: «Кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех» (5: 35).

В суфизме термин «джихад» применялся, главным образом, для обозначения внутренней борьбы («великий джихад») добра и зла, идущей внутри каждого человека. Более того, в исламе существовали чисто пацифистские направления – Мазийария и Ахмадия. В XX в. проживающие на северо-западе Индии мусульмане-пуштуны, направля-

емые соратником Ганди Абдулом Гаффар-ханом, предприняли ненасильственную кампанию за независимость от британского владычества. При подобных обстоятельствах мусульмане предпочитали использовать методы ненасильственного несотрудничества и свидетельства веры даже под угрозой смерти. Термин джихад имеет реальное историческое развитие, зависящее от контекста места и времени. Призывы Корана к войне отражают конкретную ситуацию жизни Пророка в мединский период. Призывы сражаться против язычников Мекки не применимы в наши дни в качестве принципа, оправдывающего применение силы.

Лишь незначительное количество стихов Корана посвящено войне и насилию, слова «милосердие» и «мир» встречаются там значительно чаще, чем «джихад». Аллах – не бог войны, напротив, как гласит открывающая сура Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» (1: 1-2). Среди 99 имен Аллаха упоминаются «Мягкий», «Кроткий», «Любящий», «Прощающий». Кроме того, слово «ислам» означает подчинение, покорность, которые человек должен проявлять по отношению к Богу. Этимологически слово «ислам» происходит от того же корня, что и «салам» (мир). Отсюда и мусульманское приветствие «Салам алейкум» («Мир вам»). «О вы, которые уверовали! Поистине, среди ваших жен и ваших детей есть враги вам, берегитесь же их! А если пропустите, и извините, и простите..., то Аллах - прощающ, милосерд!» (64: 14). В Коране даже есть некое золотое правило: «Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше, и вот - тот, с которым у тебя вражда, точно он горячий друг» (41: 34). Добиваться мира следует не только между мусульманами, но следует заключать его и с врагами: «А если они склонятся к миру, то склонись и ты к нему и полагайся на Аллаха: ведь Он - слышащий, знающий!» (8: 63). Таким образом, в традиционном исламе содержится значительный потенциал для поддержания мира, который необходимо активизировать, учитывая события последнего времени.

Одной из характерных черт раннего христианства являлась идея мученичества. Акт мученичества уподоблялся искупительной жертве Христа. Сторонники идеала жертвенной любви Христа (*agape*) считали, что обещанное Евангелиями царство Божье наступит непосредственно в этом мире. Поэтому сторонники этой идеи буквально воспринимали призыв Иисуса к ненасильственному решению всех распрей: «любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас» (Мф. 5:44). Ранние отцы церкви Тертуллиан, Ориген и другие, утверждали запрет на отнятие человеческой жизни. По этой причине христиане отказывались служить в римской армии, кроме того легионеры должны были приносить обязательную присягу перед императорскими богами, что христиане рассматривали как идолопоклонство.

После того как в IV в. император Константин фактически превращает христианство в государственную религию, представления о ненасилии претерпевают серьезные изменения и, кроме того, начинает создаваться концепция справедливой войны. Данная концепция, предложенная Цицероном и спустя много времени развитая Амвросием Медиоланским и Августином, оказала огромное влияние на социальную мысль христианства. Однако довольно быстро она морально дискредитировала себя, поскольку ей оправдывались сомнительные военные авантюры и жестокие преследования религиозных меньшинств. В конце концов, в XIII в. Фома Аквинский утверждает о греховности любой войны, даже если она ведется по справедливой причине.

Размытость границ между сферой интересов духовной и светской власти, привела к тому, что светские правители чувствовали себя защитниками церкви, а духовные власти легитимировали и вдохновляли их. Экспансия светской власти всегда приводила к экспансии церкви, так же как миссионерская деятельность церкви вела к экспансии светской власти. Национальное и церковное право дополняли друг друга. Духовные нормы направляли гражданскую жизнь, а гражданские власти карали за нарушение нравственных и религиозных норм. И все же, насилие, совершаемое светской властью, необходимо подрывало авторитет церкви, поскольку последняя часто принимала активное уча-

ствие в насильственных действиях и кампаниях, несовместимых с мирным и ненасильственным характером ее основателя.

Первые годы существования христианской империи характеризуются жестокими битвами, как с внешними, так и внутренними врагами: тридцатилетняя война против саксонских варваров первого христианского императора, короля франков Карла Великого, сопровождалась тысячами казней еретиков и приверженцев других религий. В период классического средневековья римско-католическая церковь Западной Европы восприняла учение Августина о законности использования силы для достижения духовных целей, и в итоге санкционировала применение силы для распространения христианства. В отличие от традиций раннего христианства, войны велись для обращения язычников, распространения Евангелия и борьбы с ересью. Крестовые походы же озаменовали собой полный отход от истинного значения идеи мученичества Христа.

Высшие иерархи церкви папа Урбан II и Бернар Клервосский объявили войну во имя освобождения «святой земли» из рук «неверных» мусульман. Крестовые походы рассматривались как общее дело для всех христиан Западной Европы. Папа, выступая от имени Христа, призывал людей взяться за оружие. Папа Иннокентий III, инициировавший Четвертый крестовый поход, первым на западе объявил Крестовый поход против христиан, во время которого был захвачен и разграблен Константинополь, его население истреблено во имя утверждения главенства Рима. В дальнейшем это привело к альбигойским войнам на юге Франции, в ходе которых в течение двухсот лет в результате действий противоборствующих сторон была истреблена значительная часть населения.

Уже в эти времена многие задавались вопросом, позволил бы Иисус, призвавший в Нагорной проповеди отказаться от насилия и возмездия, возлюбить врага своего, проводить военные кампании подобного рода и не искажается ли таким образом смысл Назарейского креста. Вместо того чтобы вдохновлять христиан нести свой крест, он украшал доспехи крестоносцев, придавая законность их кровавым войнам. В средневековом христианстве «мир от Бога» была мерой, применявшейся для ограничения насилия, но она носила местный и временный характер. Важно подчеркнуть, что миссионерские войны и крестовые походы возникли в рамках идеологии римско-католической церкви раннего и классического средневековья и не могут быть перенесены на всю христианскую традицию. Кроме того, следует помнить, что христианская традиция берет свое начало не от воинственных пророков (Моисей, Иисус Навин) или агрессивных царей (Давид), а от проповедника ненасилия и церкви периода раннего христианства. В древнеримский период христианство распространялось ненасильственным путем, но через проповедь справедливости, любви и обещание вечной жизни. Ранним христианам запрещалась не только военная служба, но и работа мясником. Римские папы, вдохновлявшие Крестовые походы, могли ссылаться, вероятно, на концепцию «священной войны» в духе Второзакония, на слова и деяния ветхозаветных пророков. Христианин же, прибегающий к насилию и ведущий войну, не может ссылаться на Христа для оправдания своих действий.

Протестантизм также содержал в себе предпосылки, как для насилия, так и ненасилия. В работах протестантских реформаторов М. Лютера и Ж. Кальвина был заложен концепт «ненасилия» в саму систему протестантской культуры, в основании которого лежит утверждение преобладания терпимости, личной веры и нравственности над слепым повиновением церкви, богоугодности труда христианина в миру. Представления о собственной избранности, как у пуритан, так и у квакеров, привели к выстраиванию их взаимоотношений с другими сообществами по особому типу, не характерному для католических сообществ. Обращение к текстам духовных лидеров пуритан (У. Бредфорда, Дж. Уинтропа) и квакеров (Дж. Фокса, У. Пенна) показывает, что они считали себя активными избранными. Активность, основанная на убеждении в том, что Бог покидает Англию, проявилась в обеспокоенности судьбой своих детей, в создании собственной

истории (хроники У. Бредфорта и Дж. Фокса), в убежденности в реализации рая на земле на территории Нового Света. Пуритане, например, относились ко всем не принадлежащим к их общине как к потерявшим истинный путь, при этом указывая, что Бог не заповедал любить ближнего больше чем самого себя. В пуританской традиции закладываются основные принципы светской культуры: отрыв от традиции, убежденность в том, что человек способен самостоятельно изменить свою судьбу, пересечение идей религиозно-го спасения и достижения земного счастья для избранных.

Самым известным протестантским пацифистским движением стало общество Друзей (квакеры), основанное в Англии в 1649 г. Джорджем Фоксом. Ненасильственная этика этого движения была основана на представлении о том, что в каждом человеке есть искра божественной природы, что является доказательством священности любой жизни. По этой же причине колониальный лидер Уильям Пенн (квакер по исповеданию) отказался использовать оружие против американских индейцев, что в итоге позволило ему основать мирное поселение, поддерживавшее добрые отношения с автохтонным населением.

Концепты ненасилия закладываются именно в традиции квакеров. Предпосылки для формирования в будущем светской культуры с ведущей ценностью ненасилия можно увидеть в выстраивании квакерами отношений по типу «свой - другой». В плане эмоциональном это соответствовало формированию отношения к «другому», как равному, т.е. способному приобщиться к «свету истины», а не как «чужому». Оба типа общения складываются как ответ на проявление насилия со стороны английского правительства.

К самой сути христианства принадлежит его общечеловеческий, универсальный характер, тяга к устроению, где «нет ни иудея, ни эллина». Афонское монашество являет яркий пример ревностной, «эксклюзивной» религиозности. Но старец Силуан, великий афонский подвижник XX в., сделал центром своей духовной практики «молитву за всех», за христиан и не-христиан, его духовность была названа «мистикой любви к брату»: не только к брату-христианину, но и к каждому собрату-человеку. И как в древности подвижничество монахов-пустынников, так сегодня служение преп. Силуана оказывает влияние на весь православный мир, призывая его расширять круг христианской любви на всех, за пределы христианства.

Итак, все три великие мировые религиозные традиции роднит ряд общих черт, главной из которых является их стремление к ненасилию, любовь, альтруизм и сострадание по отношению ко всему живому. Так, например, в буддизме считается, что человек, спасающий другого от смерти, пусть даже с применением насилия против насильника, на самом деле совершает ненасильственный поступок. По нашему мнению такой взгляд наиболее близок русской православной традиции. Любовь, жертвенность, желание спасти ближнего пусть даже ценой своей жизни становятся важнейшей частью понятия о ненасилии в русской православной традиции («Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Иоанн, 15: 13)). Эта же черта свойственна и традиционному исламу. Невозможно достигнуть абсолютного ненасилия, но есть вероятность уменьшить количество насилия в мире с помощью любви к ближнему и нравственному самосовершенствованию отдельной личности. Кроме того, абсолютный пацифизм, считающий мир величайшим благом, которому все должно быть принесено в жертву, в политическом плане вряд ли достижим, а как политический принцип может являться даже безответственным. В отечественной религиозной традиции дихотомия насилия и ненасилия раскрывается через вербальное и физическое противопоставление данных начал. Следует подчеркнуть, что данное понимание основывается на глубокой духовной основе и подтверждено историческим опытом нашей страны. Все три религиозные традиции объединяет этический идеал, направляющий людей к мирному сосуществованию и противостоит жестокости.